

И.М. Соловьев

**Русские университеты в их
уставах и воспоминаниях
современников**

**Выпуск первый: Университеты
до эпохи шестидесятых годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.М. Соловьев**
Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников: Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов / И.М. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2019. – 212 с.

ISBN 978-5-517-96575-2

ISBN 978-5-517-96575-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ составителя.

Цѣль настоящаго сборника — вскрыть предъ читателемъ строй и внутреннюю жизнь нашихъ университетовъ. Непосредственные документы — официальные источники или частные мемуары — всегда ярче освѣщаютъ прошлое, чѣмъ отдаленное, хотя бы и безпристрастное повѣствованіе историка. Университетскіе уставы детально рисуютъ намъ самый status высшей школы, какъ онъ намѣченъ законодателемъ. Но эти уставы отнюдь не предопредѣляли нормальнаго развитія академической жизни. Послѣдняя издавна была опутана и сдавлена всяческими инструкціями и циркулярами, совершенно извращавшими духъ устава. Широко понимаемое «усмотрѣніе», приспособленное къ тѣмъ или инымъ «видамъ правительства», властно царило надъ нашими университетами, грубо посягая какъ на свободу научнаго изслѣдованія, такъ и на свободу преподаванія. Составитель считалъ поэтому себя въ правѣ, наряду съ уставами, привести въ сборникъ хотя бы наиболѣе характерныя инструкціи и циркуляры, а также тѣ рѣчи и записки, которыми представители власти комментировали свою административную дѣятельность.

Воспоминанія современниковъ составляютъ центральную часть сборника. Предъ читателемъ проходитъ смѣна поколѣній, идейно вырастающихъ въ нѣдрахъ академій, отъ нея ведущихъ свою умственную и нравственную генеалогію. Эти непосредственные признанія, сохранившія много интимныхъ сторонъ университетской среды, наглядно покажутъ читателю, чѣмъ были наши университеты для выдающихся и просто рядовыхъ русскихъ людей, съ какимъ зарядомъ мыслей и настроеній они разставались съ своею *alma mater*, и какъ могли сохранить душу живую въ гнетущихъ условіяхъ русской дѣйствительности. Такихъ мемуаровъ разбросано не мало на страницахъ старыхъ журналовъ, и собрать ихъ во-едино — задача очень благодарная. Но при этомъ всегда возможно упрекнуть составителя въ томъ или иномъ произвольномъ ихъ подборѣ, тѣмъ болѣе что огра-

ниченныя размѣры сборника не позволяли увлекаться полнотою. И пусть читатель заранее готовится къ тому, что жизнь провинціальныхъ университетовъ освѣщена неполно и, быть можетъ, односторонне ¹⁾). Конечно, весь обширный и нерѣдко капризный матеріалъ мемуаровъ можно бы сгруппировать по темамъ. Но составитель сознательно не хотѣлъ дробить эти цѣльныя по своему воспоминанія, чтобы они не утратили своей естественности и произвольности: пусть ярче чувствуется личность рассказчика—въ этомъ особая прелесть мемуаровъ... Конечно, неизбежны были пропуски, сокращенія...

Еще одно замѣчаніе. Включено не мало воспоминаній лицъ среднихъ, ничѣмъ крупнымъ не заявившихъ о себѣ въ послѣдующей жизни. Да, эти лица не могли оставить намъ яркихъ, художественныхъ страницъ о прошломъ, пережитомъ, какъ сдѣлали это—Герценъ, Тургеневъ, Пироговъ, Буслевъ,—но зато по ихъ мало претенціознымъ признаніямъ можно легко судить о томъ вліяніи, какое оказывалъ университетъ на рядовыхъ слушателей, на ту массу, которая въ жизни тоже что-то совершаетъ.

Вступительный очеркъ составителя лишь въ сжатыхъ чертахъ намѣчаетъ исторію развитія университетовъ.

Москва,

5-го іюня 1913 г.

¹⁾ Размѣры сборника не позволили включить воспоминанія о дѣятельности дерптскихъ профессоровъ. Для виленскаго университета заранее приходится отослать читателя къ богатой по содержанію, хотя и односторонней, статьѣ С. Барятинскаго „Изъ исторіи виленскаго учебнаго округа“, *Русскій архивъ*, 1874 г., т. I (стр. 1149—1262).

Судьбы русских университетовъ.

Первымъ нашимъ университетомъ великій поэтъ прозорливо назвалъ Ломоносова. Геніальный ученый, труды котораго только недавно получили надлежащую оцѣнку, самъ ясно сознавалъ этотъ свой заслуженный приоритетъ, и притомъ далеко не только въ исторіи русской науки. „Ежели Богъ велить, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ известнымъ наукамъ. Я самъ не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать“. Но утверждая это, Ломоносовъ понималъ и то, что его дѣло, у насъ въ Россіи, роковымъ образомъ обречено на гибель, что его ученые открытія не будутъ поняты и поддержаны его соотечественниками, гдѣ еще совсѣмъ не упрощена научная традиція, въ средѣ которыхъ еще нужно было защищать самое науку. За нѣсколько дней до своей смерти онъ говорилъ своему другу академику Штелину: „Чувствую, что скоро умру. На смерть смотрю совершенно спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить того, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и чести академіи. Къ сожалѣнію, вижу теперь, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною“. И эти опасенія пророчески сбылись: научные труды Ломоносова въ области наукъ физическихъ цѣлыхъ полтора года лежали въ архивахъ Академіи наукъ, не получивъ своего естественнаго развитія въ исторіи науки. Ученому міру они предъявлены только въ наши дни, имѣя цѣну рѣдкой исторической новинки ¹⁾).

Понятно, что Ломоносова не могли не волновать вопросы просвѣщенія въ Россіи, и не случайно его имя органически сплелось съ исторіей нашего перваго университета. Съ неослабѣваемой энергіей распространяя просвѣщеніе въ своей невѣжественной родинѣ, съ пыломъ страстнаго борца сражаясь съ „непріа-

---

¹⁾ Menshutkin und Speter: „Physikalisch—chemische Abhandlungen M. W. Lomonosows“ (178 вып. Ostwalds Klassiker der exacten Wissenschaften). Leipzig, 1910.

телями наукъ російскихъ“, онъ, конечно, особенно остро сознавалъ нужду въ этомъ разсадникѣ просвѣщенія.

Несомнѣнно, многія мысли Ломоносова легли въ основу шуваловскаго проекта и затѣмъ устава московскаго университета, утвержденнаго 12 января 1755 г. По словамъ Тимковскаго, составляя съ Шуваловымъ этотъ проектъ, Ломоносовъ „много упорствовалъ въ своихъ мнѣніяхъ и хотѣлъ вполне удержать образецъ лейденскаго съ несомнѣстными вольностями“.

Изъ приведеннаго. ниже письма его къ Шувалову узнаемъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть „планъ, имъ сочиненный“; многозначительно добавляя, что въ данномъ случаѣ очень не бесполезенъ будетъ совѣтъ тѣхъ, кто „университеты видали и въ нихъ нѣсколько лѣтъ поучались, такъ что ихъ учрежденія, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются“. И затѣмъ онъ совѣтуетъ своему вліятельному патрону сразу же установить постоянный планъ университета съ опредѣленными штатами профессоровъ, излишекъ же суммъ на первыхъ порахъ употреблять на бібліотеку. Проектированные Ломоносовымъ три факультета—юридическій, медицинскій и философскій (послѣдній съ физикою въ качествѣ основного предмета)—дѣйствительно и вошли въ составъ университета, а при немъ была учреждена гимназія, какъ проектировалъ и Ломоносовъ, такъ какъ безъ нея „университетъ, какъ пашня безъ сѣмени“.

По университетскому вопросу Ломоносовъ высказывался и раньше, когда учреждались гимназія и университетъ при Академіи наукъ. Когда осенью 1748 г. въ историческомъ собраніи при Академіи наукъ рассматривался составленный ея канцеляріей университетскій регламентъ, то Ломоносовъ писалъ секретарю этого собранія Тредьяковскому: „Не худо, чтобы университетъ и академія имѣли по примѣру иностранныхъ какія-нибудь вольности, а особливо чтобы они освобождены были отъ полицейскихъ должностей“.

А въ „Прибавленіи къ моему мнѣнію объ университетскомъ регламентѣ“ онъ предлагаетъ всѣхъ студентовъ раздѣлить на три класса: „перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи для того, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ и чтобы всякій могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣть. Второго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ наука. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ“.

Сдѣлавшись съ 1758 г. завѣдующимъ учеными и учебными учрежденіями Академіи наукъ, Ломоносовъ дѣятельно принимается за ихъ улучшение: увеличиваетъ втрое количество учащихся въ гимназіи, гдѣ ихъ было меньше, чѣмъ въ университетѣ, предлагаетъ профессорамъ составлять краткіе конспекты своихъ лекцій, а главное—принимается за выработку опредѣленнаго status'a академическаго университета, находя, что „при академіи наукъ не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно“. Онъ настойчиво хлопоталъ, чтобы университету были дарованы опредѣленные привилегіи или вольности, состоящія въ томъ, чтобы университетъ „имѣлъ власть производить въ градусы“, т. е. давать ученые степени, чтобы съ него были сняты „полицейскія тягости“, чтобы „студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ академію“ и, наконецъ, чтобы „духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особенно не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“.

Также и академія, по его убѣжденію, „сама имѣетъ власть давать внутри своего правленія между своими судъ и расправу“.

Какъ видимъ, въ сознаніи нашего академика высшая школа представлялась какъ учрежденіе не бюрократическое, а автономное, съ особыми научными и общественными правами.

„Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ,—писалъ онъ Шувалову,—чтобы привести въ вождѣльное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти безчисленные Ломоносовы“.

Университетъ созданъ: 12 января 1755 года навсегда останется культурно-научною гранью въ исторіи русскаго народа. Какovy же были тѣ основы, на которыхъ построень первыи университетскій уставъ? Какъ поняты законодателемъ его права и привилегіи, и соотвѣтствовалъ ли его духъ культурному развитію русскаго общества половины XVIII вѣка?

Въ новый университетъ его создатели вложили здоровыя традиціи нѣмецкихъ университетовъ, на которые такъ любилъ всегда ссылаться Ломоносовъ. Московскій университетъ сразу же былъ поставленъ внѣ зависимости отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и властей; онъ непосредственно подчиненъ лишь сенату; у него былъ свой привилегированный судъ какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ. Назначаемый верховною властью кураторъ, въ первые годы обыкновенно изъ видныхъ вельможъ, былъ скорѣе заступникомъ и ходатаемъ о нуждахъ университета передъ престоломъ, а не политическимъ опекуномъ, какимъ впослѣдствіи сталъ попечитель учебнаго округа, властно вмѣшивающійся во внутреннюю жизнь университета. Всѣ слу-

жащіе въ университетѣ освобождены отъ всякихъ полицейскихъ повинностей, отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ сборовъ.

Но все же профессорская корпорація имѣла во главѣ назначеннаго директора, который одинъ вѣдаетъ университетскія дѣла, совѣтуясь съ профессорами лишь по устройству учебной части и по суду надъ студентами, причемъ всякія недоразумѣнія въ данныхъ случаяхъ разрѣшались кураторомъ. Самый характеръ лекцій подлежалъ косвенному контролю со стороны „профессорскаго собранія“: только съ разрѣшенія послѣдняго могла быть установлена „система“ преподаванія или тотъ авторъ, по которому „предлагается наука“. Кромѣ своихъ обязательныхъ лекцій собственно для студентовъ, профессоръ могъ объявлять и публичные курсы; тѣмъ самымъ вліяніе университетскаго преподаванія расширялось и могло имѣть значеніе болѣе общественное.

Учреждаемый въ Москвѣ, въ центрѣ служилаго дворянства, университетъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ удовлетворять просвѣтительныя нужды и разночинцевъ и даже, какъ гласятъ §§ 26—27, вольноотпущенныхъ крѣпостныхъ. Причемъ, добровольно обучивъ своего крѣпостного въ гимназіи и университетѣ, помѣщикъ заранѣе уже лишился права снова взять его и превратить въ свою рабочую силу: получивши, по волѣ своего прежняго господина, высшее образованіе, крѣпостной дѣлался свободнымъ, могъ быть опредѣленъ „въ службу Государеву или на вольное пропитаніе“ и „никакимъ образомъ никто его въ холопство привести не можетъ“.

Такимъ образомъ университетъ былъ признанъ учрежденіемъ безусловнымъ. Но это не мѣшало находящіяся въ вѣдѣніи его двѣ гимназіи рѣзко обособить—одна предназначалась исключительно для дворянъ, другая—для разночинцевъ. Лишь „у вышнихъ наукъ“, „чтобъ тѣмъ болѣе дать поощренія къ прилежному ученію“—сословія объединялись въ общую товарищескую среду.

Но нужно было показать обществу, что обученіе въ высшей школѣ даетъ осязательную выгоду. Студенческая шпага являлась символомъ того, что это обученіе уже есть своего рода служба, студенты знали, что по окончаніи получаютъ оберъ-офицерскій чинъ, будутъ имѣть преимущество при опредѣленіи на службу. Но и самое обученіе было вдохновляемо принципомъ взаимнаго соревнованія: публичные диспуты, къ которымъ обыкновенно заранѣе подготавливались, отличія выдающихся студентовъ—служили естественнымъ поощреніемъ.

Въ ближайшіе годы университетъ получилъ новыя права. Указомъ 5-го марта 1756 года, снова подтверждающимъ зависимость университета только отъ Правительствующаго сената, предоставляется университету учредить типографію и книжную лавку для печатанія и продажи сочиненій и переводовъ университетскихъ писателей. Вскорѣ же—26 апрѣля 1756 г.—вышелъ первый нумеръ издававшейся при университетѣ газеты „Московскія Вѣдомости“. Такимъ образомъ русское книгоиздательство и наша періодическая печать органически примыкаютъ къ своему просвѣтительному центру и затѣмъ въ энергичныхъ рукахъ новой общественной силы—кружка Новикова и Шварца—заявляютъ о себѣ, какъ независимомъ создающемся русскомъ общественномъ мнѣніи.

Уставъ 12 января 1755 года вплоть до александровыхъ дней остается регулирующимъ университетскую жизнь закономъ. Но прежде чѣмъ перейти къ новому уставу, не лишне остановиться на одномъ историческомъ документѣ, направленномъ въ сенатъ и, повидимому, тамъ и похороненномъ. Мы имѣемъ въ виду „Мнѣніе объ учрежденіи и содержаніи Императорскаго Университета и Гимназіи въ Москвѣ“, подписанное семью профессорами—Керштенсомъ, Барсовымъ, Ростомъ, Рейхелемъ, Шадемомъ, Лангеромъ и Еразмусомъ¹⁾.

Вызванное указомъ 29 ноября 1765 года, чтобы профессоры написали свое „мнѣніе о учрежденіи и содержаніи Московскаго Университета“, оно вскрываетъ намъ характерные взгляды современной профессорской среды, ея недовольство и пожеланія. Прежде всего они отклоняютъ отъ себя упреки въ томъ, будто университетъ не принесъ государству ожидаемой пользы. Самая постановка учебнаго дѣла въ немъ должна быть такова, чтобы науки были больше сближены съ потребностями жизни. Въ ихъ планѣ и подчеркивается связь четырехъ проектируемыхъ факультетовъ съ будущей профессіей студентовъ. Напримѣръ, на „философическомъ“ факультетѣ, „самомъ обширнѣйшемъ“— „должно показывать основанія камерныхъ, коммерческихъ, полицейскихъ, горныхъ и мануфактурныхъ дѣлъ и студентовъ теоретически и практически руководствовать, какимъ образомъ они... силы государства сохранять, умножать и оными пользоваться... и богатства по всѣмъ состояніямъ государства распространять должны“. Авторы настаиваютъ, чтобы вмѣсто директора былъ проректоръ изъ профессоровъ, а почетнымъ ректоромъ—

¹⁾ См. „Чтенія въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“ 1875 г., кн. II.

наслѣдникъ престола. Директоръ же, „не будучи собственно изъ ученаго состоянія.. будетъ оному больше препятствовать, нежели спѣшествовать: человекъ мало смыслящій смотреть чужими глазами, принимаетъ отъ всякаго совѣты, и еще можетъ быть самые худшіе изъ оныхъ производитъ въ дѣйство“. Только конференція изъ ординарныхъ профессоровъ приглашаетъ новыхъ лицъ на „порожнія мѣста“, такъ какъ только послѣдніе могутъ хорошо знать „заслуженныхъ мужей въ ученой республикѣ“. Но больше всего составителей этого мнѣнія занимаетъ вопросъ экономическій — наилучшее обезпеченіе университета.

„Припадая къ стопамъ“ Ея Имп. Вел., профессора „держатъ представить, что деревни, по близости отъ Москвы состоящія, были бы для университета наиболее на нынѣшнія и будущія времена“. Причемъ не канцелярія, а сами профессора непосредственно могли бы завѣдывать новымъ университетскимъ хозяйствомъ, улучшая его, производя соотвѣтствующіе опыты и вѣрнѣе эксплуатируя натуральное хозяйство (тканье и бѣленіе холста, бумажная мельница для типографіи и пр.). Очевидно, духъ времени, проникнутый крѣпостническими тенденціями, не могъ не коснуться и академическихъ сферъ.

Александровская эпоха, ознаменованная либеральными вѣяніями и духомъ гуманности, созданіемъ министерствъ привела въ систему центральные административные органы — создала новый уставъ, утвержденный 5 ноября 1804 года. Многими чертами напоминаетъ онъ академическую организацію германскихъ университетовъ, такъ какъ его создатели считались съ мнѣніями иностранныхъ авторитетовъ — Брандесомъ и Мейнерсомъ. Каждый изъ университетовъ, какъ московскій, такъ и вновь учрежденные — харьковскій, казанскій, дерптскій и виленскій — является центромъ управленія цѣлаго учебнаго округа; онъ получаетъ право назначать и увольнять учителей, представлять къ назначенію министромъ директоровъ гимназій, дѣлать черезъ посредство профессоровъ ревизіи подвѣдомственныхъ ему школъ. Для завѣдыванія послѣдними учреждается особый училищный совѣтъ, въ составѣ ректора и выбранныхъ совѣтомъ ординарныхъ профессоровъ. Такимъ образомъ для цѣлага края университетъ является просвѣтительно-административнымъ центромъ, отъ котораго зависитъ процвѣтаніе народнаго образованія. Жившій въ Петербургѣ попечитель, какъ членъ „главнаго правленія училищъ“, утверждая главнѣйшія постановленія совѣта, не могъ входить въ детали внутренней академической жизни, которая и была предоставлена широко

понятой самостоятельности. Строй университетовъ основывается на коллегіальной формѣ управленія, на широкой автономіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся университетскаго быта. Совѣты изъ заслуженныхъ и ординарныхъ профессоровъ съ выборнымъ ректоромъ во главѣ—вотъ та своя внутренняя сила, направляющая академическую жизнь: онъ—„вышшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ“ (§ 48), онъ избираетъ профессоровъ и почетныхъ членовъ, улучшаетъ университетское преподаваніе, вводя новыя или дополнительные курсы. Уставъ не забываетъ того, что самъ университетъ есть прежде всего „вышнее ученое сословіе“, почему и рекомендуетъ устраивать ежемѣсячныя собранія профессоровъ, гдѣ специально „разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ“ (§ 55). Университетская коллегія сама избираетъ новыхъ достойныхъ членовъ, и уставъ гарантируетъ свободу выборовъ (§§ 60—61). Цензура книгъ, выходящихъ въ округѣ, лежитъ на отвѣтственности профессоровъ, но сами профессора пользуются правомъ безцензурнаго полученія заграничныхъ изданій.

Открывая свои двери всѣмъ сословіямъ, всѣмъ желающимъ учиться, университетъ учреждаетъ свои вступительныя экзамены или основывается на гимназическихъ аттестатахъ.

„Университетъ снабженъ былъ весьма обширною гражданскою и уголовною юрисдикціей надъ студентами и чинами, принадлежащими къ университетскому управленію. Въ дѣлахъ гражданскихъ университетъ разбиралъ всѣ тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ; въ уголовныхъ дѣлахъ самъ производилъ слѣдствія и посылалъ своего синдика засѣдать въ судѣ, въ качествѣ депутата. Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, т.-е. о преступленіяхъ противъ университетскаго благочинія и порядка, университетъ самъ налагалъ на виновнаго разныя взысканія, причемъ ректоръ имѣлъ право приговаривать студента къ трехдневному заключенію въ карцерѣ, правленіе—къ 14-дневному, а совѣтъ составлялъ высшую и послѣднюю инстанцію, присуждавшую виновнаго даже къ исключенію изъ университета. Жалобы на университетскій судъ подлежали въ апелляціонномъ порядкѣ внесенію въ сенатъ“¹⁾.

Читатель видитъ, что уставъ 1804 года взялъ подъ свою защиту развитіе русской науки, бережно довѣривъ ее не чинов-

¹⁾ Б. Глинскій. Университетскіе уставы (*Историческій Вѣстникъ*. 1900 г., январь).

никамъ, а самимъ русскимъ ученымъ, объединеннымъ въ самоуправляющуюся коллегію. Онъ умѣло сочеталъ интересы самой науки и ея служителей и самъ по себѣ могъ гарантировать странѣ успѣхи высшаго преподаванія.

Но нужно сказать, что замыслы передовыхъ людей александровской эпохи шли дальше, рисовали настолько заманчивые планы, что не вѣрится, что они могли зародиться въ началѣ минувшаго вѣка. Скорѣе это перспективы будущаго, для Россіи едва ли даже близкаго. Таково знаменитое „Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ“, принадлежащее основателю послѣдняго В. Н. Каразину. Находя, что въ Россіи удобнѣе создавать нѣчто новое, а не только исправлять старое, уже усвоенное Европой, онъ мечталъ о новомъ грандіозномъ университетѣ, о всеучилищѣ, которое могло бы вмѣстить въ себѣ различныя спеціальныя академіи (наукъ, искусствъ, военную, инженерную, духовную), университеты и низшія провинціальныя школы. По его проекту, вмѣсто 4 факультетовъ, университетъ долженъ состоять изъ девяти отдѣленій: 1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености; 9) изящныхъ художествъ; кромѣ того, для низшихъ классовъ — училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій ¹⁾. Представители различныхъ знаній, совмѣстно разрабатывая науки и искусства, — граждане единаго университетскаго городка—это новое общество стояло бы въ центрѣ русской культуры, русскаго творчества, внося кругомъ свѣтъ и истину.

Понятно, что крѣпостная Россія александровской поры, Россія, которой предстояло еще пережить всѣ ужасы николаевскаго режима,—не только не могла вмѣстить эти мечты пламеннаго гражданина, она не могла просто опереться на свои уже утвержденные законы. Университетскій уставъ 1804 г. фактически оставался мертвой буквой.

Тотъ же Каразинъ, вызвавшій своимъ героическимъ энтузіазмомъ обширный потокъ пожертвованій въ средѣ жителей слободской Украйны, долженъ былъ, потерявъ довѣріе у императора Александра, писать отчаянныя письма Кочубею и самому императору, чтобы разрѣшили, наконецъ, открыть университетъ, съ которымъ онъ связалъ свое имя. Какой мстительной волокитѣ и униженію подвергнуты были его просьбы и настоянія! Вотъ одно изъ его писемъ къ Кочубею: „Я пишу, какъ отчаянный

¹⁾ Д. Багалъй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I, стр. 61.